

Вера ХАРЧЕНКО

РАССКАЗЫ О СЛОВАХ, ИЛИ...?

«Практическая значимость...» исследований по русскому языку обычно нацеливает на преподавание и работу со словарями, что, конечно же, важно, но, как представляется, есть и иные перспективы. О них и пойдет речь. Каким образом добиваться, чтобы общенациональный язык сокровенными, священными своими смыслами реально влиял на качество жизни, увеличивая ее продолжительность, сохраняя и множа краски каждого дня и часа?

Вопрос запредельно широк, поэтому попробуем выделить два направления разговора.

Первое направление касается статуса слова. Профессор Курского государственного университета А. Т. Хроленко считает своим долгом рассказывать (полученную, кстати, десять лет назад, на основе интернет-сайтов!) информацию о том, как отношение к русскому языку изменилось по одной, весьма неожиданной причине. В США, Израиле, Франции русский язык стали признавать... оптимальным инструментом мышления.

В Соединенных Штатах Америки было замечено, что в лаборатории высоких технологий, как только возникает у проблемы сложность решения, участники дискуссии, хоть немного владеющие русским языком, сразу же переходят на русский язык. Русский язык оказывается более удобным для обсуждения и «камней преткновения», и ускользающих «невыразимостей», то есть наиболее тонких и сложных материй.

Примерно в это же время в другой точке планеты обратили внимание на неравновесность успехов детей. «Израильские ученые оценили силу русского языка» — под таким заголовком была опубликована информация об успехах владеющих русским языком израильских школьников, причем успехах во всех остальных сферах знания.

Во Франции выбор для изучения одного из четырех-пяти языков по традиции является свободным. Но из года в год обнаруживается, во-первых, что при любой политической ситуации русский язык выбирает постоянный процент студентов, а во-вторых, что еще интереснее, при всей исключительной трудности изучения русского языка каждый год этот язык выбирают наиболее сильные студенты.

Талантливые студенты предпочитают изучать именно русский язык. В своем докладе 29 июня 2007 года на конференции в Славянске-на-Кубани А. Т. Хроленко также подчеркнул, что, помимо количества слов (здесь мы проигрываем английскому язы-

---

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета. Автор более 500 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

ку, у которого свыше миллиона слов!), есть понятие качества слова, его ассоциативной мощи. И вот тут-то русскому языку нет равных. Слова выхолащиваются, такова их особенность, но неспешное, в охотку, для себя чтение книг незаметно наполняет образовавшиеся пустоты вновь обретенными смыслами.

Занимаясь свыше тридцати лет сбором детских высказываний, я едва ли не ежедневно становлюсь свидетелем преодоления ребенком катастрофических трудностей процесса усвоения русского языка, бесчисленных непопаданий в норму, повторяющихся, почти неизбежных ошибок. К слову, крупнейший специалист по детской речи Стелла Наумовна Цейтлин (СПб.) как-то сказала на конференции, что путь английского ребенка к норме не столь труден и долог, как путь русского. Но впоследствии все это, преодоленное и усвоенное, может замечательно окупиться качеством мышления.

Приходится напоминать родителям, как важно подолгу и по-хорошему беседовать с детьми (и не столь важно о чем!), как замечательно читать вслух (в десятый, двадцатый, сороковой раз — раз уж что-то понравилось, никогда не спрашивая о впечатлении: семья не школа, и чтение — процесс личностный, интимный!). Нелишне также напомнить, как важно петь певучие советские или старинные песни: ведь именно они хорошо поются... *«Утро краси-ит нежным свето-ом стены древнего-о Кремля...» «То не-е ветер ве-е-етку клонит, не-не дубра-а-ву-ушка-а-а шумит...»*

Однако у прикладной филологии может быть и более радикальная задача, второй путь в нашей классификации — менять восприятие того или иного слова, то есть через ревизию некоторых понятий пытаться... управлять языком.

В этом плане мы бы выделили, как минимум, восемь типов «работы над словом».

Первый тип — **восстановление утраченного**. В Белгородском государственном национальном исследовательском университете с 2002 года осуществляется изучение языка семейных родословных: собирается банк данных, публикуются статьи, защищены три диссертации. А началось все очень интересно. Нужно было сформулировать тему зачетной творческой работы по предмету «Русский язык и культура речи» так, чтобы ушлый студент не мог скачать в Интернете или не написал бы того, что пишут абсолютно все опрашиваемые: о плохой речи окружающих, плохой речи начальства, политиков. И тема, вызывающая «изнутри» лучшие слова, была придумана: «История моей семьи»! Читая сочинения студентов, мы не только восхищались самим языком, но неожиданно для себя вышли на проблематику восстановления утраченного (кстати, сейчас мы прекратили сбор материала: слишком много стало «электронных помощников»!).

Итак, в сочинениях студентов можно выделить такие понятия, как СВЕРХМНОГОДЕТНОСТЬ (десять и более детей в семье), СВЕРХДОЛГОЛЕТИЕ (перешагивание 90-летнего рубежа), ЛИЧНЫЙ ГЕРОИЗМ (скрытое от глаз окружающих, неизвестное за пределами узкого круга мужество ухода за тяжелобольным родственником, несение креста инвалидности, стойкость в заботе об обеспечении семьи).

Спрашивается: зачем рассказывать, если это совершенно исчезло из жизни? Исчезло ли? В Ростове-на-Дону живет матушка Наталья и растит в своей семье 13 детей. «Матушка, а вы не устали?» — спрашивает ее знакомая, мать троих детей. «Сейчас немножко устала!» — прозвучал ответ.

Помню сочинение студентки-казашки о маме, помогавшей своим братьям и сестрам и потому поздно вышедшей замуж. Но начав супружескую жизнь в 38 лет, эта женщина родила десятерых.

Светлана Шагохина в своей заметке пишет о семье Виктора Андреевича и Ольги Александровны Классен, в которой растут Маргарита, Елизавета, Анита, Эльвира, Яков, Валентин, Альвина, Тавифа, Виктор, Андрей, Вениамин и Филимон. Вот такие красивые и редкие имена звучат каждый день в их доме, а называет детей всегда...

папа. Родители, когда поженились, решили: сколько Бог даст детей, столько и вырастим (газета Белгородского гос. ун-та «Будни» от 28 февраля 2008 г.).

Можно сосчитать детей в чужой многодетной семье, но невозможно сосчитать тех, кто родился вторым, третьим ребенком только потому, что были примеры многодетности и сверхмногодетности. В троллейбусе довелось услышать: *Племянница ходит пятым ребенком*. Аналогичными примерами полны семейные родословные. Существовало, получается, и такое значение творительного падежа, которое можно обозначить как «творительный беременности». *Когда мама была беременна Васей...* Естественно, если, кроме Васи, никого в семье не появилось, то и падеж свернулся.

Восхитительно, как язык «обслуживал сверхмногодетность» и на уровне пословиц (*Бог даст его — даст и на него; Где два — там и третий; Носи дитя, пока маленькое: вырастет — не поносишь*), и на уровне передаваемых по наследству сентенций. *Мама говорила: женщина не должна себя наказывать!* Отказ от возможного ребенка расценивался в этой белгородской семье, сохраняющей традиции казачества, как... наказание.

Сверхмногодетность связана с тоже утраченным понятием СВЕРХДОЛГОЛЕТИЯ. Дело в том, что наличие (присутствие, помощь, участие!) здоровой бабушки может стать решающим фактором пополнения семьи еще одним человечком.

Спрашивается, кто вживил в наше сознание среднюю продолжительность жизни с отметкой на семидесяти? Ах, наука, статистика! А ведь это коварное, даже опасное знание, становящееся на бессознательном уровне проектным. Тексты семейных родословных системно свидетельствуют, что в условиях революции, голода, раскулачивания, войны, еще более страшного голода, потери близких наши предки ухитрялись многочисленными рядами перешагивать 90-летний рубеж. И это в условиях России с тяжелым, непредсказуемым даже для хлеба насущного климатом!

В плане установки на сверхдолголетие русский язык и тут идет на помощь: *Умирает не старый, а поспелый*. Двумя этажами ниже меня жил бывший судья. Ему было почти 100 лет. Судья всю жизнь делает зарядку, только и всего. Наше тело — самый благодарный наш друг. Немного заботы, но какая отдача! Может быть, мы жизнь не только получаем, но и задаем? Собирая детскую речь, я иногда спрашивала шести-, восьмилетних: *Как думаешь, старость — это плохо или что-то в старости есть и хорошее?* Увы и ах: позитива дети не говорили. А ведь это весьма чревато, что от далекого будущего человек ничего хорошего не ждет. Психологи сравнивают жизнь с художественным текстом, тем более хочется, чтобы интересная книга подольше бы не кончалась. Кстати, в исследовании Н. В. Новиковой отмечено, как много в древнерусском языке было форм будущего времени¹. Мы стали бояться загадывать, мечтать, строить долгосрочные планы, что и отразилось на судьбе слова.

Что касается ЛИЧНОГО ГЕРОИЗМА, то именно семейные предания содержат много примеров исключительной заботы о близких людях, например о спокойной, даже веселой женщине *на дощечке* (без ног), посвятившей жизнь сестре и ее семье. Священны для отечественной лингвистики судьбы известных ученых, беззаветно служащих еще и тяжелобольным детям. Такое служение — национально значимое мужество сегодняшнего (не только вчерашнего или позавчерашнего!) периода отечественной истории.

Следующий, второй тип работы над словами в коллективном бессознательном предполагает **создание того, чего нет**. Попытки участвовать в языковом эксперименте широко известны. Это словотворчество В. Маяковского (наиболее известные примеры: «серпастый», «молоткастый»). Это Велимир Хлебников, предложивший,

¹ Н. В. Новикова. Семантика будущего времени древнерусского языка / Н. В. Новикова // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — Тамбов, 2004. — 45 с.

например, слово «красавда»: красота + правда. Это великие лексикографы прошлого, прежде всего Владимир Иванович Даль, включивший в свой словарь не один десяток придуманных слов: *ловкосилие* — гимнастика, *побудка* — инстинкт, *истинник* — капитал. Из современных ученых отметим Михаила Эпштейна, приглашающего через Интернет участвовать в обогащении русского языка. Есть слово «любовь», но спектр употребления слова столь широк, что автор предлагает несуществующее пока в языке более узкое: «любь».

Но мы будем говорить о другом, социально более злободневном словотворчестве. Логично спросить: а чего, собственно, русскому языку не хватает? Есть известное мнение: остро недостает обращения к не очень молодой женщине и не очень молодому мужчине. Некорректно обращаться к человеку по признаку пола: *Же-енщина! Мужчи-ина!* Вооружимся, однако, терпением: социальные перестройки покушаются в первую очередь на систему почтения, и необходим протяженный временной срок, чтобы обществу вновь привыкнуть, приспособиться к словам *господа, сударь, сударыня, дамы и господа*. Тем более нужно время, чтобы «придумать» новые обращения (в последние десятилетия активизировалось обращение: *коллеги!*).

Но сейчас, повторяем, мы планируем говорить о других отсутствиях. Как это ни странно, в языке нет слова, обозначающего ЧЕЛОВЕКА, ВЕДУЩЕГО ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. В слове «зожники» («Здоровый образ жизни») больше насмешки, нежели уважения. Иногда в подтексте прочитывается: чуть ли не «эгоист»: *Ишь бегает, себя бережет! Лучше б полы подтер!* Обратимся к фактам истории языка. *Поднимался он ранешенько, умывался он белешенько!* Это былины. Существовал и такой эпитет, как *бел-румян*. Вместо этого сентенция: *Красное лицо — синий диплом, синее лицо — красный диплом*. Да и не «лицо» говорят, используют синоним похуже. А каким веселым ощущением здоровья наполняет старинная пословица *В зимний холод всякий молод!*

Наверное, должно появиться слово СВЕРХТРЕЗВОСТЬ как абсолютный отказ от всех вариантов употребления спиртного. Нам известны такие люди. По жизни они есть, а вот самого слова для их обозначения, для выделения такой поведенческой установки нет.

Нет слова, которое обозначало бы СОБИРАТЕЛЬНИЦУ или СОБИРАТЕЛЯ СЕМЬИ, то есть члена семьи, письмами, расспросами, встречами скрепляющего, собирающего семью.

Рассуждая о вечном трагизме сборов в дорогу, я думала, что одна паникую перед любым отъездом из дома. Потом мне сказали, что в немецком языке есть специальное слово, которое переводится как ДОРОЖНАЯ ЛИХОРАДКА. Наверное, такое слово хорошо бы иметь и русскому языку?

Еще очень важно ввести в общеупотребительный язык слово СВЕРХОБУЧЕНИЕ. Мы вычитали о феномене сверхобучения в статье, посвященной Ортогенической школе Сони Шенкман при Чикагском университете, где учат детей, пребывающих не в ладах с миром. И там задачу решают по несколько раз: и играют в нее, и возвращаются к ней, и... «Сверхобучение означает сверхтщательную проработку материала. Учитель никуда не торопится, он переходит к новому материалу только тогда, когда старый абсолютно надежно усвоен. Сверхобучение — сверхнадежность»².

Восхваление способностей наших детей (справедливо!) иногда сопровождается пренебрежением к закреплению изученного. Школа постепенно отдает механизмы настоящего знания репетиторству, но по всем предметам репетиторов не нанять. Поэтому для домашнего обучения, особенно младшеклассников, возвращение к изученному по математике, по музыке, по русскому и английскому языкам весьма плодотворно.

² М. Максимов. Только любовь... Не мало ли? // Знание — сила. 1987. № 7. С. 71—77.

Недостает частотности слову УЛЫБЧИВОСТЬ как обозначения прелестной черты характера. Сергей Есенин случайно ли считал: «Самое трудное — быть простым и улыбочивым?»

Следующий, третий тип управления языком касается противоположного действия: **непроговаривание слов**, эксплуатировать которые весьма нежелательно. Искусство замалчивания напоминает «пустоты» в кружеве, и эти пустоты могут сделать обычную речь изящной и привлекательной. Но замалчивание — это далеко не только отказ от издевки, резкости, тем паче от сквернословия. Грубые, оскорбительные слова лежат как бы на поверхности запрещающей стратегии, а мы копнем чуть глубже.

Оказывается, нельзя объявлять о МИРОТВОРЧЕСКОЙ миссии: миссия будет провалена. «...Просчеты миротворчества заключаются, по-моему, в активном желании некоторых политических деятелей прослыть миротворцами, вместо того чтобы стать ими благодаря невидимым и невыгодным для карьеры действиям»³.

Нельзя ВЫЯСНЯТЬ ОТНОШЕНИЯ, поскольку «*Каждый человек внутри себя прав*». Нет, выплакать обиду, объясниться можно («*В огне ссоры сжигается мусор обид*»), но все-таки чем меньше говорится в таких ситуациях, тем лучше для обеих сторон. А всего лучше ограничиться одним словом: «Проехали!» — и приниматься за насущные дела.

Далее, внутренняя установка на долголетие запрещает украшать речь повтором В МОЕМ ВОЗРАСТЕ, запрещает даже в шутку говорить о СТАРЧЕСКОЙ ЗАБЫЧЛИВОСТИ.

Утрата в языке форм и значений отдаленного будущего, о которой говорилось выше, связана и с боязнью сглаза, и чем меньше будет этой (коммерчески организуемой!) общей боязни, тем реальнее будет то самое сверхдолголетие. Попробуем не говорить: *А то сглазят!*; *Как бы не сглазили!* — и проверим, ухудшилась ли жизнь.

Страх за ребенка — серьезнейшее условие продолжения рода, но он может быть столь великим, что сама мать, объятая страхом, в таких случаях становится причиной детского недомогания⁴. Я этого не знала и страхом портила себе материнство. Только после знакомства с идеями Маргарет Мид (*Над тканью хорошего надо работать; Кто внушил, что счастье не может быть долгим?*) до меня дошло, что о сглазе лучше не говорить и даже не думать.

Здесь нелишне сказать и о внутрижанровых потерях: очень многие пугающие приметы помимо событийной и прогнозной частей имели еще и страховочную часть: что предпринять, чтобы плохое не случилось. Если мы верим в некоторые приметы, то будем применять и страховку — незатейливое действие на случай плохого прогноза: посмотри в зеркало, переверни головной убор, расскажи сон воде.

Давно напрашивается отступление — не столько традиционное, «лирическое», сколько драматическое — о праве на публикацию подобных установок. В идеале автор всего этого материала должен быть весьма здоровым человеком, с нормальным (хоть в космос лети!) давлением, в возрасте, как минимум, 91 года, к тому же имеющих ...надцать детей и внуков. А поскольку ничего этого нет, то спрашивается: кто дает моральное право диктовать другим сверхтребования, сверхустановки? Ответим.

Во-первых, такое право дает наметившееся сейчас в обществе педалирование иных, противоположных, установок. Вместо радости за чужое счастливое материнство, когда у преподавателя, кандидата наук, появился четвертый по счету малыш, звучит недовольство: *Зачем плодить нищету?* — или другими устами сказанное: *Они рожают, а за них работай, веди занятия!* Вместо продвинутых, дальнбойных планов на сле-

³ В. Лефевр. Слыть миротворцем или быть им? // Знание — сила. 2002. № 3.

⁴ Т. Б. Щепанская К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. — М.: РГГУ, 2001. — С. 248—249.

дующее десятилетие — «мораль»: *Зачем быть кому-то в тягость?* Вместо заботы о здоровье — бесконечное обсуждение «экологии». Заботу о себе отмечаем по принципу «Все или ничего!». А поскольку «все» невозможно (забота о положительных эмоциях, зарядка, полноценный сон, обливание, массаж, обилие фруктов на столе и далее со всеми остановками!), тогда... *Пусть мне будет хуже!* — тогда вообще ничего!

Во-вторых, право публикации дает такая особенность мечты, как ее запредельность. Энергия мечты срабатывает только тогда, когда новенькая мечта дух захватывает. *Мы можем больше того, что можем,* — говорила совсем еще юным пианистам замечательный педагог Анна Артоболевская.

Продолжим наш перечень.

Следующий, четвертый, тип «управления языком» можно обозначить как **детерминологизацию** некоторых актуальных для социума терминов. Есть, например, такой термин, как СИБЛИНГИ (братья и сестры), сиблинговое общение. Само слово способно встревожить тех, у кого один ребенок, лишенный особого типа общения. Только когда у меня появился второй внук, со всей остротой я поняла, как не хватало единственному моему сыну такого вот братика, «братана». Кстати, можно заявить и о необходимости словесного размежевания младшего и старшего, младшей и старшей (сестры, брата). В Белгороде в течение двадцати лет на национальном отделении учились студенты из Бухары, и не раз приходилось сталкиваться с непониманием: *Ты говорил: братьев нет, а в личном деле указано, что есть? — Так то не брат, то братишка!*

Но вернемся к сиблингам. Я записывала речь Роланда, приехавшего из Конго (мама у мальчика русская, папа — негр, учившийся в Белгороде и ставший доктором филологических наук): *Скажи, а те, с кем ты играл в Конго, дружные были или иногда дрались, ссорились? — Нет. Там было две семьи. В одной 15 детей, в другой 17. Не дрались...*

Детерминологизации, по-видимому, требует и такой термин, как ГЕТЕРОЗИС, обозначающий, в частности, межнациональные браки. Положительный эффект от присутствия в родословной чужой крови сопряжен и с эффектом взаимодействия культурных традиций. То, что рядом с русскими в Поволжье, жило много немцев, не могло не сказываться на общем строе бытия.

Спокойного восприятия требует глагол ФЛАНИРОВАТЬ в значении с удовольствием бродить по улицам, предпочитая любимые маршруты.

— *Давай в никуда,* — согласилась Ася. *И они пошли с мамой рядом, как подруги, которым просто приятно такое избранное общество и они другого не ищут⁵.*

Следующий, пятый, тип исправления касается витающих над словом эмоций, оценок. Некоторые концепты и, соответственно, слова требуют **изменения «минуса» на «плюс»**. Д. С. Лихачев восхищался старинными словами, пытался восстановить их права. Вчитаемся: *благоразумие, смиренномудрие, кроткий*. Дети на вопрос: *Кто такой «кроткий» — как ты понимаешь?* — отвечали, не задумываясь: *Больной!* Прекрасно слово СМИРЕНИЕ! Смирение отличается от «терпения»: терпим мы вынужденно, а вот смиряемся добровольно (наблюдение писательницы Нины Горлановой). Смиряемся осознанным усилием ума, памяти, воображения, души. Когда женщина становится свекровью, то регулятором речевого поведения может стать внутренняя установка на смирение. Не случайно же возникла метафора про отрезанный ломоть, который не приставишь.

Изменения минуса на плюс требуют и такие слова, как ДЕНЬГИ, ДОСТАТОК, МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ. Ничего нет предосудительного в стремлении

⁵ Зоя Журавлева. Кувырок через голову // Нева. 1982. № 1.

обеспечить семью, лучше обставить квартиру, позаботиться о даче, нарядиться, наконец.

Погоня за материальными благами, одни тряпки на уме, вертится перед зеркалом, еще один дом построили, на трех работах, все в дом тащит — такие фразы для слабого восприятия могут родить мысль, что куда спокойнее лежать на диване, чем строить, рисковать, зарабатывать.

Соответственно, более положительным должно стать и слово БЕРЕЖЛИВОСТЬ. Существовали пословицы: *Бережливость лучше прибýtка, Деньги любят тишину, Люди на рынок, а мы в клеть.*

Обратимся и к заимствованному слову РЕФЛЕКСИЯ, которое ассоциируется с самокопанием, гамлетизмом, бездействием, унынием, безысходностью, тогда как искусство «плюсового прочтения» слова «рефлексия» может приучить человека грамотно выходить из состояния тревоги и печали. Отпустить или не отпустить шестнадцатилетнего сына одного за границу? Стоит правильно поставить перед собой вопрос: *страх или развитие?* — и ответ приходит сам собой. Семья на грани развала, конфликты, обиды. Займемся рефлексией: *А ты что, хотела стопроцентного счастья, чтоб счастливее всех быть?* Само слово *стопроцентный* помогает переживать тяжелое время: *сегодня выдержали, сохранили ниточку, и завтра выдержим, по дням перетерпим.* Управление собственными эмоциями (не в плане их сдерживания — не очень-то их и сдержишь! — а в плане направления их по другому руслу!) — жизненно необходимое искусство.

Собирая материалы для словаря детского языка, мы иногда для разрядки спрашивали детей о том, что интересно было нам самим. Помните наш вопрос: *Скажи, старость — это плохо или есть и нечто и хорошее в старческом возрасте?* Ответ малолетних, повторим, всегда был однозначно пугающим. В этом вопросе в отличие от других дети — увы! — были на редкость единодушны: *Плохо — все! — Да что же? — Скоро умрешь!* (Один ответ.) *Внуки шумят!* (Желанная для стольких людей перспектива интерпретировалась «внуками» как «минус», видимо, их за шум наказывали!) *Все купаются, а ты в тенечке лежишь!* (Да спасибо, что на пляж взяли!) СТАРОСТЬ постепенно лишилась положительных оценочных смыслов. В чем-то, по-видимому, виноваты и сами стареющие: мы не проговариваем великолепных приобретений каждого нового возраста, не делимся искусством стареть. Не о косметике здесь идет речь и не о здоровом образе жизни, а скорее о здоровом образе мышления, искусстве диалога с возрастом.

Стоит изменить выражение, как тут же меняется смысл. «Мой приятель однажды сказал задумчиво: „Я бы, может, и вышел на пенсию, если бы это не называлось выйти на пенсию“, — рассказывает герой современного повествования.

Более плюсового восприятия требует такой концепт, как РОДСТВЕННИК. «Теперь общаются с кем угодно, только не с родственниками. Свобода, которую предоставил город, это ведь, знаете, свобода возможностей, свобода выбора не только образа жизни, занятий, но и самое главное — свобода привязанностей»⁶.

Более положительного, благодарного восприятия требует и концепт ТЕТЯ. В русском языке этим словом обозначается и родной человек, и совсем незнакомая дама. Кстати, исключительно важно написать большое психологическое исследование о роли тети в семье. Тетушка растила маленького Льва Толстого, возила его с собой по монастырям, говорила с ним так, что писатель помнил эти слова всю жизнь. Валентина Катаева, уникального по стилю писателя, растила сестра рано умершей матери. А вот признание Сергея Боброва, ученого и писателя: *Тетя справедливо считала, что у детей должна быть своя жизнь. А так вообще здесь все проще. И есть еще*

⁶ Валентина Ермолаева. Мужские прогулки // Наш современник. 1978. № 7.

равнодушное здравомыслие тетки, которая считает само собой разумеющимся, что и дети тоже люди и не надо им мешать жить... Это курьезное и, наверное, совершенно неправильное с принципиальной точки зрения «рассуждение» ужасно как облегчает наше существование⁷.

Восстановить «плюс восприятия» требует и такой концепт, как СВАХА. Выполнить функцию свахи, познакомить людей, предназначенных друг для друга, помочь появлению семьи — замечательная миссия, но и требующая высочайшей интуиции и культуры воздействия. В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» показано, сколько людей помогало рождению счастливой семьи (Кити и Левина) и как было не просто устроить все это.

Есть и шестой, противоположный вектор переключения знаков, а именно **некоторое ослабление плюса в восприятии того или иного концепта**.

Например, концепт СЧАСТЬЕ. Рынку, торговле нужны праздники. Непременный атрибут праздника — поздравления, но, поздравляя, мы обязательно желаем счастья. И начинается тяжелое ожидание того, что будто бы у других есть, а у тебя нет того, что лучше называть «побочным продуктом правильно организованной жизни».

Кстати, и сам концепт ПРАЗДНИК тоже требует учета того, что неотъемлемой частью праздника, об этом писала, в частности, Татьяна Чередниченко⁸, является... разочарование. Любой праздник разочаровывает, такова его особенность праздника. Но как сладостно ожидание праздника, его предвкушение.

Ничего плохого мы не скажем про ЛЮБОВЬ, если только ожидание большой, настоящей любви не приведет к одиночеству. У человека должна быть семья. Человек должен испытать радость супружества, материнства или отцовства. Поэтому, восхваляя любовь, будем напоминать и о необходимости создания семьи тоже. Но самое интересное, что и «семья» требует более осторожной, более деликатной интерпретации. Приведем сочиненное нами стихотворение «Семьи».

Один ребенок — огонь: / И словом его не тронь, / Ближе шагнешь — опалит, / Вроде долбишь, как дятел, / Отойдешь — сердце болит: / Получается, сам предатель. / Два ребенка — два берега, / Блещет зеркалом гладь, / То ль к тому, то ль к этому / Душу приладь. / Вроде и хорошо, что двое, / А — никого с тобою. / Больше деток — модель отошедших эпох, / Домашний социум курирует Бог, / Сладко множить фамилию, отчество, / И еще одного родить хочется. / А есть те, у кого — никого. / Телефон, телевизор, кот / И беда тишиной у ворот, / И понять не дает беда, / Что один все равно звезда, / Что на ветви его — венец / И не страшно, что роду конец.

Обратимся еще к одному концепту. Слово БОЛЕЗНЬ в нашей русской ментальности приобрело издавна оттенок и уважительности, и сочувствия. Не оттого ли столько больных? Не будем валить на «экологию». Помню, пришла я к врачу с жалобами на жестокие головные боли. Мой собеседник, кандидат медицинских наук Виталий Николаевич Легкий разговор начал так: *Итак, сколько времени в течение дня вы занимаетесь своим здоровьем?* Все стало ясно и без анализов.

Снижения позитива требует, конечно же, слово ДИЕТА. Хорошее настроение, захватывающие дух планы — действительно, панацея от всех болезней (но отнюдь не эксперименты по усечению разнообразия рациона!).

Седьмой вектор управления языковым богатством — **снятие юмористической составляющей с трактовки ряда концептов**, например, такого, как ПЬЯНСТВО. В журнале «Знамя» (2006, № 9) помещена горестная статья журналистки Елены Холоповой, впервые оспаривающей истину: *Смеясь, люди расстаются со своим прошлым*. Страшная судьба спивающихся не только деревень, но и городов налагает вето

⁷ С. П. Бобров. Мальчик. Лирическая повесть. — М.: Советский писатель, 1966. С. 144.

⁸ Татьяна Чередниченко. Праздничность // Новый мир. 2002. № 11. С. 155–163.

на ставшую устойчивой юмористическую компоненту изображения ситуаций пьянства. Появились анекдоты и о наркоманах. Конечно, с анекдотами не все так однозначно. Социологи установили, что этнические анекдоты про русских, евреев, китайцев, немцев, как это ни парадоксально, чувства вражды отнюдь не усиливают. Но одно дело инаковость другой нации, а другое — опасность, исходящая от внутринационального пьянства, будто бы приемлемого в малых дозах и ужасного, когда возврата уже нет.

Но и здесь можно найти не юмористические, а высокие слова. Этот разговор хорошо иллюстрируется судьбой Федора Углова — врача, хирурга, занесенного в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку человек, абсолютно отказавшийся от всех видов и форм вливаний, в свои сто лет продолжал оперировать. Столетие Ф. Углов отметил 5 октября 2004 года. В истории российской педагогики и культуры идею абсолютного отказа от всех видов спиртного последовательно проводил в жизнь известный педагог Сергей Рачинский⁹, написавший много писем молодежи, создавший общество трезвости.

Снятия или хотя бы уменьшения юмористической компоненты требует и понятие ВОРОВСТВО. Некогда существовало очень точное обозначение пристрастия к этому занятию. Герой романа Алексея Слаповского «Анкета» восхищался пословицей из сборника В. Даля: *Воровавшись, не вдруг отстанешь от привычки (Какое слово! — Воровавшись!)*.

Восьмой тип работы над словами — противоположный: **подключение юмористики**. Наверное, это такие концепты, как ТЕРПЕНИЕ, ДИСЦИПЛИНА. По словам писателя Л. Пантелеева, мама учила его *веселому* терпению. В других своих работах мы писали, как старец требовал сажать рассаду корнем вверх (послушание дороже рассады!), как в армии старшина приказывал хоронить... окурки (умей выполнять любой приказ!). Юмористическую компоненту в повседневный «напряг» и драматизм нередко привносит гипербола. Например, о детях в собственной семье: *Атомное терпение с ними нужно!* (Н. Горланова).

Необходимость личной дисциплины в речи профессор И. А. Стернин отстаивал через веселый жаргонизм: «фильтруй базар». Учителя не боятся использовать юмористическую компоненту при трактовке трудного материала, и это прекрасно: посмеешься и преодолешь.

Таковы, как нам представляется, некоторые задачи прикладного знания, от решения которых может зависеть и качество жизни, и социальное здоровье нации в целом. Теперь спросим себя: а кто может рассказывать о словах с некоторой поправкой их восприятия? Журналисты? Отнюдь. В мире ежедневно происходит столько сенсаций, что работник современной прессы едва успевает справляться с анализом очередных неприятностей. Думается, что, рассказывая о словах (есть такой незатейливый жанр публичных выступлений!), именно филолог может мягко влиять на то самое коллективное бессознательное, от которого зависит если не все в социуме, то очень и очень многое.

⁹ Сергей Рачинский. Школьный поход в Нилову пустынь // Литературная учеба. 1993. № 5—6. С. 69—94.